

УДК 94(47)''16'':344.131.4

**ОФОРМЛЕНИЕ ПОРУЧНЫХ ЗАПИСЕЙ КАК СПОСОБ БОРЬБЫ
С ДЕЗЕРТИРСТВОМ ПАШЕННЫХ СОЛДАТ В КАРЕЛИИ ВТО-
РОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА: ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ
ВОЕВОДСКОЙ ИЗБЫ¹**

Д. В. Брусницына

Петрозаводский государственный университет,
исторический факультет, кафедра всеобщей истории, г. Петрозаводск

В статье рассматривается явление массового бегства карельских пашенных солдат со службы в 60-е гг. XVII в. Основное внимание уделяется классификации и анализу поручных записей по выславшимся на войну солдатам, выявлению линий поведения солдат, нежелающих идти на службу.

Ключевые слова: пашенные солдаты, бегство со службы, поручные записи, Олонецкая воеводская изба.

Бегство солдат и офицеров с места боевых действий и просто нежелание идти на службу в армию в период раннего нового времени были обычным явлением. Самовольно покинуть расположение действующей армии могли и обычные солдаты, набравшиеся из даточных людей, и стрельцы, для которых военная служба являлась основным занятием, и дворянское ополчение². Не стали исключением и пашенные солдаты из «полков нового строя»³, организованных в Олонецком уезде в 1649 г.

Местные крестьяне в возрасте от 20 до 50 лет были записаны в солдаты практически поголовно, за исключением больных и самых бедных. За службу правительство освободило их от уплаты основных налогов, а также обещало не посылать служить за пределы Карелии. Предполагалось, что главной задачей пашенных солдат станет охрана границы со Швецией, от которой постоянно исходила угроза военного нападения. Именно в целях усиления обороноспособности этого региона в 1649 г. здесь был построен

---

¹ Рецензент – научный руководитель, канд. ист. наук, доцент И. А. Чернякова, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск.

² Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1954. С. 162; Коваленко Г. М. Карелия в русско-шведской войне 1656–1658 гг.: препр. докл. на Учен. совете Ин-та яз., лит. и истории 29 июня 1978 г. Петрозаводск, 1978. С. 67.

³ Полки нового строя (полки иноземного строя) – воинские соединения, устроенные по образцу армий западноевропейских государств и качественно отличавшиеся от других частей в составе русской армии на протяжении большей части XVII века. См.: Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 41.

город-крепость Олонец, унаследовавший от Корелы «роль пограничного стража России против Швеции»⁴.

Недавние крестьяне обучались в полках не просто азам военного дела, но искусству вести бой по новейшим европейским канонам, для чего в качестве «учительных людей» из-за границы специально были приглашены иноземные офицеры. Можно сказать, что это был опыт организации дешёвого и в то же время эффективного войска, так как, охраняя государственную границу в своих родных местах, солдаты должны были жить за счёт своих хозяйств.

До настоящего времени создание солдатских и драгунских полков на территории Олонецкого уезда не становилось предметом специального научного исследования. Некоторые аспекты солдатской службы были рассмотрены в работах таких историков как М. М. Богословский, М. А. Островская, Р. Б. Мюллер, Т. В. Старостина, Г. М. Коваленко, И. А. Чернякова, А. Ю. Жуков, А. С. Рыжков⁵.

Тема данной статьи – дезертирство пашенных солдат и способы решения этой проблемы – также ранее отдельно не изучалась, хотя все из перечисленных исследователей в большей или меньшей степени обращали своё внимание на этот вопрос.

Подчеркнём, что недовольство пашенных солдат условиями службы стало проявляться практически сразу после её введения. Обучение военному делу отрывало их от земледелия и промыслов, совмещение столь различных по содержанию и сути занятий оказалось невозможным. Вступление России в войну, сначала с Польшей в 1654 г., затем со Швецией в 1656 г., еще более усугубило ситуацию. Острая потребность государства в наборе солдат для отправки в походы за рубеж заставила власти нарушить обе-

---

⁴ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа / пер. с фин. Л. В. Суни; отв. ред. И. А. Чернякова. Петрозаводск, 1998. С. 115.

⁵ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. С. 144–145; *Его же*. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1912. Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство. С. 63–64; Островская М. А. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках. СПб., 1913. С. 83–90; Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 126–140; Старостина Т. В. Пашенные солдаты: к 450-летию русской регулярной армии // Военный вестник: Ежемесячный военно-патриотический историко-культурный альманах. 2000. № 7. С. 3. [Приложение к газете «Карелия» № 47 (646). 21 июля 2000]; Коваленко Г. М. Указ. соч. С. 67–76; Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 120–122, 173–176; Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 207–228; Рыжков А. С. Поручик Богдан Головин – организатор службы пашенных солдат в Карелии во второй половине XVII века // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. (ISSN 1819-9399). 2007. № 1 (3) [Электронный ресурс] Электрон. ст. Режим доступа: <http://illmik.petsu.ru/2007news3/Ryzhkov2.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. Рус. Проверено 30.09.2011.

пание не посылать пашенных солдат за пределы Карелии. С этого времени количество беглых солдат выросло в разы.

Бороться с дезертирством пробовали разными способами: наложением денежных штрафов, телесными наказаниями и даже казнями. Наказывали не только самих беглых солдат, но также их родственников и людей, оказывавших им содействие. За укрывательство беглых целые семьи могли ссылаться в Сибирь.

В статье мы рассмотрим такой способ решения проблемы дезертирства как оформление по солдатам, высланным на службу, поручных записей, определение в которых санкций различного характера должно было удерживать солдат от побегов. Источниковую базу исследования составляют акты из фонда Олонецкой воеводской избы, в первую очередь поручные записи. В качестве дополнительных источников при изучении вопроса использовались такие материалы фонда как росписи солдат (беглых, сысканных, явившихся на смотр на Олонец, высланных на дальнюю службу, а также раненых и погибших); а также челобитные, памяти⁶, отписки⁷, «роспросные речи»⁸ и «сказки», тематически связанные с сыском и высылкой солдат на службу⁹.

Институт поручительства издревле применялся в крестьянском сообществе в целях разрешения различных конфликтов, с одной стороны, выручая членов сообщества перед государством, с другой – гарантируя государству четкое исполнение его требований. Использование поруки как гарантии исполнения определённых обязательств было распространённым явлением и в XVII в. Процедура оформления поручных записей, а также ответственность поручителей и объектов поручительства описаны в десятой главе Уложения 1649 г.¹⁰ Применять поруку по отношению к беглым солдатам предписывалось рядом царских указов¹¹.

Суть поручительства в данном случае сводилась к следующему. Несколько человек, чаще всего ближайших родственников солдата, поручались в том, что он, отправившись на службу, не сбежит ни по дороге в пункт на-

⁶ Память – общее название письменных сообщений, деловых записей, документов различного характера (обычно применявшихся при сношениях не подчиненных друг другу учреждений и лиц). См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее – Словарь). М., 1988. Вып. 14. С. 141.

⁷ Отписка – 1) письменное уведомление, донесение, распоряжение; 2) ответный документ. См.: Словарь. М., 1987. Вып. 13. С. 299.

⁸ Роспросные речи – сведения, полученные при расспросе, допросе, запись показаний, данных при обыске. См.: Словарь. М., 1997. Вып. 22. С. 36.

⁹ Автору статьи эти документы предоставлены Исследовательской лабораторией локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК), действующей на историческом факультете ПГУ (рук. к.и.н., доц И. А. Чернякова). Благодарю специалиста ИЛЛМИК Е. Д. Суслову за помощь в работе с описью документов, составляемой ею совместно с канд. ист. наук М. Е. Проскуряковой.

¹⁰ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 г. М., 1961. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikisource.org/wiki/> – На рус. яз. Проверено: 30.09.2011 г.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. № 154. С. 362–363.

значения, ни после, с места несения военной службы. В случае бегства солдата поручители обязывались, во-первых, уплатить штраф, так называемую «пеню великого государя», а во-вторых, один из них должен был занять место сбежавшего, то есть стать солдатом и пойти служить, «куда укажут». По словам дореволюционного исследователя института древнего русского поручительства С. Я. Капустина, именно чувство нравственного, морального долга поручаемого перед своими поручителями, которыми очень часто становились его ближайшие родственники, служило гарантией исполнения условий поруки¹². Именно поэтому, по мысли властей, поручительство должно было стать действенной мерой, препятствующей дезертирству.

В 1660 г. так поступили беглые солдаты Офонка Софонтиев и Онашко Семенов Догутаев, которые, узнав о высылке своих родных, обратились к воеводе с просьбой: «Вели, государь, поручиков наших Левку Кирилова да Сенку Юрьева и отца моего Софонтия отпустить з города Олонци к домишкам в Оштинский погост, и чтоб, государь, тех поручиков наших и отцов высылыщики на Олонец не высылали, а нас холопей твоих вели, государь, с Олонци отпустить на твою великого государя полковую службу»¹³. Рассмотренный документ демонстрирует именно тот случай, когда сработал механизм поручительства, подразумевавший нравственные отношения и чувство моральной ответственности объекта поручительства перед своими поручителями.

В фонде Олонецкой воеводской избы сохранились поручные записи по солдатам в основном за период с 1660 по 1663 гг. (на данный момент нами найдено и изучено сто восемьдесят семь документов). Вероятно, именно в это время, когда только недавно закончилась война со Швецией 1656–1658 гг. и в условиях многолетнего продолжения русско-польской войны 1654–1667 гг., количество беглых пашенных солдат достигло беспрецедентных масштабов. Об этом, в частности, пишет Г. М. Коваленко: «В 60-е гг. начался массовый, организованный отказ крестьян идти на службу. Бегство каралось смертной казнью, даже за укрывательство беглых грозила смертная казнь с конфискацией имущества и высылкой семей в Сибирь. Но положение пашенных солдат было таким тяжёлым, что никакие угрозы не были им страшны и все меры правительственной администрации были бессильны»¹⁴.

В то же время потребность армии в обученных военному мастерству людях была настолько велика, что в Карелию в эти годы посылались особенно много солдатских сыщиков и высылыщиков¹⁵, которые при помощи стрельцов и пушкарей должны были сыскать и снова выслать на службу «в

---

¹² Капустин С. Я. Древнее русское поручительство. Казань, 1855. С. 20.

¹³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98 (Олонецкая воеводская изба). Оп. 1. К. 3. Д. 83. Ст. 7.

¹⁴ Коваленко Г. М. Указ. соч. С. 76.

¹⁵ Высылыщик – должностное лицо, осуществлявшее высылку на военную службу или работы. См.: Словарь. М., 1976. Вып. 3. С. 263.

Литовские земли» тех, кто числился в списках беглых и «нетчиков»¹⁶. То, какую важность правительство придавало данным мероприятиям, очевидно хотя бы из количества солдатских высылщиков. Если раньше такие уполномоченные лица приезжали в Карелию по одному, иногда по двое, как, к примеру, солдатские переписчики и высылщики Иван Дивов (1656–1657 гг.), поручик Богдан Головин (1657 г.) или Сергей Малово (1658 г.), то в 1660–1663 гг., как установлено в ходе нашего исследования, многочисленные сыщики действовали в каждом погосте. В основном, это были новокрещены¹⁷ или военные люди в чине капитанов или майоров; поставленную задачу они выполняли совместно с офицерами более низкого ранга.

Так, осенью 1662 г. олонецкий воевода в своей отписке на имя царя о результатах сыска беглых солдат сообщал, что «для збору и высылки салдат» в Заонежские погосты были посланы ротмистры Второй Елагин и Феоктист Ласунский, капитан Автамон Кудрявого, поручики Гаврила Поскочин и Матфей Полозов. Кроме того, в Пудожский, Андомский, Водлозерский, Шальский погосты и в Пещанскую волость были посланы новокрещены Илья Зенебяков и Калина Мевкелев; в Вытегорский, Мегорский, Оштинский, Остречинский, Важенский погосты и в Шимозерскую волость – новокрещены Иван Мевкелев и Ефтефей Ахманов; в Шуйский, Кижский, Выгозерский погосты и в Кузарандскую волость – новокрещены Харлам Мевкелев и Петр Зенебяков; в «олонецкие околгородные деревни» – новокрещены Богдан Тахташев и Агафон Ильметев¹⁸. Из других документов узнаем, что двумя годами ранее в Мегорском погосте действовал высылщик майор Устин Сергеевич Мещеренинов¹⁹, в Вытегорском – майор Малафей Тимофеевич Бахтияров²⁰, в Линдозерском – прапорщик Макарей Микитин сын Брюхов²¹; в Выгозерском и Шуйском – поручик Микифор Петров²², в Олонцеком – капитаны Анц Шульц²³, Алимпий (Алексей) Волутин²⁴ и Федор Дрейзен²⁵, в Святозерской волости – прапорщик Любим Салтанов²⁶.

Все солдатские высылщики регулярно отчитывались о результатах своих действий и посылали на Олонец отписки, в которых сообщали о том, кого из числа беглых удалось сыскать и выслать на Олонец, кого сыскать не удалось и по каким причинам, кого из родственников или соседей выслали вместо беглецов, вместо кого на службу отправлены наймиты. К отпискам

¹⁶ Нетчик – отсутствующий, не явившийся, не оказавшийся на лицо. См.: Словарь. М., 1986. Вып. 11. С. 323.

¹⁷ Новокрещен – тот, кто недавно крестился, принял христианство. См.: Словарь. Вып. 11. С. 401.

¹⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 16 к. Ст. 1–13.

¹⁹ Там же. К. 3. Д. 20 п. Ст. 24.

²⁰ Там же. К. 3. Д. 82. Ст. 69, 69 об.

²¹ Там же. Д. 83. Ст. 37, 37 об.

²² Там же. К. 4. Д. 1. Ст. 96–96 об.

²³ Там же. Ст. 37, 37 об.

²⁴ Там же. Ст. 53, 53 об, 54.

²⁵ Там же. К. 3. Д. 83. Ст. 32, 33.

²⁶ Там же. Ст. 43, 43 об.

часто прикладывались «роспросные речи» и «сказки», составлявшиеся на основании опросов старост и волостных людей или беглых солдат. Однако не всегда высылщики предоставляли в избу правдивую информацию. Довольно часто эти должностные лица злоупотребляли своим положением, за взятки не отправляли на службу тех, кого следовало, вместо них высылали недорослей, охудалых крестьян, увечных и больных, дальних соседей.

Иногда солдатские высылщики сами ненароком «проговаривались» в отписках о своих злоупотреблениях и уличались в этом олонецким воеводой. Так, в памяти, посланной 8 сентября 1660 г. капитану Федору Дрейзену, воевода упрекал офицера: «Да ты ж под отпискою своею прислал скаски о побитых и о умерших салдатах, а иманы те скаски у беглых салдат, а салдаты, которые скаски давали, на Олонец не присланы. А в отписке своей пишешь, что некоторыми мерами самех салдат сыскать не можно, и та твоя понаровка по твоему писму видна»²⁷.

В целях предотвращения злоупотреблений сыщиков и высылщиков почти в каждой памяти, приходившей из Олонца, им напоминалось о необходимости «государеву делу радеть», при этом требовалось «посулов не имать», то есть высылать кого положено, не принимая взятки. Очень часто встречается указание высылать на Олонец «за порукою» или «за крепкою порукою».

Тем не менее в исследуемом сюжете, судя по документам Олонецкой воеводской избы, в огромном количестве случаев порука нарушалась. Солдаты сбегали. При этом часто они возвращались в родные деревни, и родственники их не выдавали. Как пишет Р. Б. Мюллер, это было возможно только при поддержке всего населения, сочувствовавшего крестьянам, вынужденным нести солдатскую службу²⁸.

Вопреки массовому нарушению условий поручных записей, власти продолжали давать указания высылать солдат на Олонец и на службу именно за порукою. Как нами установлено, поручные записи по солдатам могут быть распределены на четыре типа по своему содержанию:

- по сысканным беглым и нетчикам (108 документов);
- по лицам, высылаемым на службу вместо беглых солдат (27);
- круговая порука группы солдат (25);
- порука по наймитам (27).

Формуляры поручных записей внутри каждого вида практически идентичны, поэтому получить новую дополнительную информацию из этих актов непросто. Такие логические части формуляра как причина оформления поручной записи, условия поруки, ответственность сторон в случае неисполнения прописанных условий повторялись из документа в документ. Информативной частью поручных записей являлись имена ответственные людей, имеющих прямое или косвенное отношение к сuti

---

²⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 1. Ст. 1, 1 об.

²⁸ Мюллер Р. Б. Указ. соч. С. 134.

оформлявшейся поруки, то есть поручителей, объектов поручительства, послухов²⁹, писарей (дьячков) и приходских священников. Именно анализ имён поручителей и тех, по кому давалась порука, позволяет сделать некоторые выводы относительно социальных отношений внутри крестьянского сообщества и проверить гипотезу о том, являлись ли поручители родственниками солдат, за которых они поручались. Обычно поручителей было от двух до пяти человек, а поруку допускалось оформлять за двух и более солдат в одном документе.

Изучение ста тридцати пяти поручных записей по беглым солдатам и их родственникам показывает, что имя первого из перечисленных поручителей часто принадлежало отцу нетчика. За ним следовало ещё одно или несколько имен, среди которых могли встретиться имена родных братьев.

На самом деле, определение родственных связей крестьян в изучаемый период, в силу того, что фамилий у них не было, трудная задача. Однако сопоставление информации нескольких источников позволяет сделать это с большей степенью уверенности, что в свою очередь приводит к лучшему пониманию поступков и мотивов людей, становившихся, к примеру, поручителями по своим родственникам.

В процессе изучения поручных записей по сысканным беглым солдатам удалось выяснить, что эти документы могли иметь две различные преамбулы. В одном варианте говорилось, что поручители «выручили» беглого солдата у стрельца или пушкаря, в другом ничего подобного не указывалось. Иными словами, беглый мог быть пойман представителем власти, и после по нему давалась порука в том, что он явится на Олонец или пойдёт на службу в определенный полк.

Какой стороной выдвигалась инициатива оформления такой поручной записи? Ответ вроде бы очевиден: сыщики, вооруженные указанием олонечкого воеводы высылать беглых солдат за порукою, находили нескольких волостных людей, которые не без определённой доли принуждения давали свою поруку по сысканному нетчику. Однако вполне представима ситуация, когда родственники, узнав о поимке близкого человека, сами принимали решение поручиться за него, чтобы избавить от содержания в неволе и конвоирования на Олонец стрельцами или пушкарями связанного веревками или в кандалах.

Именно в этом С. Я. Капустин видел различие между формулировками «прислать за порукою» и «прислать с приставом». Первая подразумевает свободное перемещение до пункта назначения, вторая – под конвоем пристава, которому к тому же надо было оплатить «езд» (зачастую в двойном размере) от места жительства провинившегося до пункта, где должен был состояться суд или, как в данном случае, смотр солдат³⁰.

²⁹ Послух – 1) тот, кто являлся непосредственным наблюдателем чего-либо, очевидец, свидетель; тот, кто подтверждает что-либо; 2) свидетель на суде, в тяжбе, при заключении сделки. См. Словарь. М., 1991. Вып. 17. С. 188.

³⁰ Капустин С. Я. Указ. соч. С. 18.

Что касается того варианта поручных записей по сысканным беглым и нетчикам, где нет указания на должностных лиц, у которых объекты поручительства были бы выручены, то не исключено, что эти беглые солдаты не оказали сопротивления в момент их задержания, а наоборот, выразили готовность снова отправиться на службу. Именно поэтому, хотя поручные записи по ним и были оформлены, поручителям не приходилось вырывать их у стрельцов или пушкарей.

В документах, которыми оформлялась высылка на службу родственников или соседей беглых солдат, также нет речи, что их вырвали у каких-либо представителей власти. В данном случае стороной, принимавшей поручительство, выступал сам великий государь. Как писали в 1662 г. солдатские отцы Шуйского погоста Лазарко Мартемьянов, Михейко Федотов, Жданко Степанов, Юшко Романов и Микифорка Корнильев: «... все мы, порутчики, поручились есмы в казну великого государя по Васки Иванову в том, что ити ему, Васки, за нашею порукою на службу великого государя вместо племянника своего, салдата Силки Иванова...»³¹.

Ещё одним видом поруки являлась круговая поручная запись группы солдат, отправлявшихся на службу. Среди тех записей, которые на данном этапе исследования удалось изучить (двадцать пять документов), встречаются круговые поруки групп солдат от пяти до двадцати шести человек³². Исключительным документом предстает известная нам круговая поручная запись пятидесяти восьми солдат Мегорского погоста³³. Цель круговой поручной записи была та же, что и в других случаях: обеспечение гарантии того, что все солдаты, поименно перечисленные в документе, явятся в указанный пункт назначения. При оформлении круговой поруки солдаты сами становились поручителями друг по другу без привлечения каких-либо третьих лиц, не считая «послухов» и людей, «прикладывавших руку» к документу, подтверждая истинность его содержания. Возможно, круговая порука оформлялась теми солдатами, которые не могли найти для себя поручителей и, чтобы соблюсти требование властей о высылке на службу за порукою, такие солдаты собирались в группу и взаимно поручались друг за друга.

Несмотря на строгие условия круговой поруки, побеги солдат, заключивших такую поруку, тоже случались. Так, 15 октября 1660 г. четырнадцать солдат Важенского погоста поручились в том, что все они пойдут на службу в полк князя Ивана Андреевича Хованского³⁴. Помимо обычных обещаний – что поручившиеся не сбегут, оружия не украдут, порчи государеву имуществу не причинят, «жалованья убегом не снесут» и прописан-

---

³¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 72. Ст. 50.

³² Там же. Ст. 97, 97 об, 101, 101 об.

³³ Там же. Ст. 133, 133 об.

³⁴ И. А. Хованский (начало XVII в. – 1682 г.) – князь литовского происхождения, из рода Гедиминов, боярин, воевода. В 1660-х гг. Новгородский полк князя Хованского оказался главной действующей армией в Литве. Общая численность полка достигала 9 тысяч человек, в том числе 2338 солдат и драгун.

ной формулы ответственности всех за каждого на случай побега, было добавлено, что «на сбежавших пеня вдвое»³⁵. Однако, не принимая во внимание ни угрозу неприятных последствий для самих себя, ни тот факт, что побег одних приведёт к наказанию других, трое солдат из упомянутых четырнадцати по дороге на Олонец всё же совершили побег. Об этом становится известно из памяти на имя новокрещена Ильи Зенибякова, по высылке которого эти солдаты должны были явиться на Олонец³⁶.

Некоторые зажиточные крестьяне, не желавшие отправляться на солдатскую службу, могли воспользоваться таким законным способом освобождения от неё, как заключение договоров найма с лицами, согласными за определённую плату служить вместо них. Безусловно, далеко не все крестьяне имели материальную возможность воспользоваться услугами наймитов. В документах встречаются размеры платы за найм от 11,5 до 32 руб. Это были огромные деньги по тому времени: на 20 руб. можно было купить четырех лошадей по 5 руб., или десять коров по 2 руб. за голову³⁷. В силу этого, по мнению Р. Б. Мюллер, практика найма солдат была широко распространена именно среди зажиточных крестьян³⁸.

Что касается личностей наймитов, большинство из них оказались корелянами, переселившимися из Корельского уезда, и, по-видимому, искавшими себе занятие. Также обращает внимание факт найма так называемых «юрьевских солдат». В исследованных документах таковых встретилось пять человек. Мы полагаем, что под «юрьевскими солдатами» понимаются солдаты, воевавшие под Юрьевом Ливонским, которые по возвращении с театра военных действий полностью освобождались от обязанности служить. Даже в тех случаях, когда возникала необходимость найти замену беглому солдату из числа его ближайших родственников, солдатские высылщики не нарушали данную привилегию. Вот что написано по этому поводу в отписке полковника Христофора Трейдена: «А Гаврилку Степанова сыскать нельзя никакими мерами, потому что он из Ведлозера со всем домом сбежал, только брат его солдат пришол из Юрьева Ливонского. И тово яз прислать не смел, что им юрьевским дана льгота»³⁹. Очевидно, некоторые из таких солдат, уже закалённые в боях, видели в получении платы за найм решение своих материальных проблем.

В процессе исследовательской работы с документами, в том числе с поручными записями, иногда обнаруживаются такие факты, которые позволяют проследить перипетии повседневной жизни пашенных солдат в годы существования их службы в Карелии. Для иллюстрации расскажем о личной ситуации крестьянина-карела, одновременно солдата, Ипатки Трофимова, жившего в Нялмозерской волости Олонецкого погоста.

³⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 1. Ст. 41, 41 об.

³⁶ Там же. Ст. 40.

³⁷ Там же. К. 5. Д. 75. Ст. 1.

³⁸ Мюллер Р. Б. Указ. соч. С. 139.

³⁹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 1. Ст. 94.

Впервые встречаем упоминание его имени в переписной книге 1656–1657 гг., составленной солдатским высильщиком И. С. Дивовым⁴⁰. Позднее Ипатко Трофимов оказался в списке беглых. По-видимому, какое-то время он скрывался, и, в соответствии с существовавшей в то время практикой отправки на службу вместо беглых солдат их родственников, солдатские высильщики нашли и выслали «за порукою» на Олонец брата Ипатки Трофимова – Вавилку. Об этом свидетельствует поручная запись от 20 августа 1660 г., в соответствии с которой несколько человек из Нялмозерской и Туломозерской волостей Олонецкого погоста, родственники беглых солдат, и среди них Вавилка Трофимов, должны были явиться на Олонец⁴¹. Признавая справедливым замечание Р. Б. Мюллер о том, что беглые солдаты жили в своих домах, а родственники их укрывали⁴², можно предположить, что Вавилка Трофимов, родной брат беглого солдата Ипатки Трофимова, знал о его местонахождении, но в момент приезда сыщиков не выдал его. Однако когда представители власти потребовали вместо беглых солдат отправить на службу их родственников, на семейном совете, по-видимому, было решено, что Ипатко должен покинуть укрытие и объявиться перед сыщиками. Такой вывод делаем на основании круговой поручной записи, заключённой через несколько дней, 26 августа 1660 г., тринадцатью солдатами Туломозерской и Нялмозерской волостей Олонецкого погоста, в числе которых был и беглый солдат Ипатко Трофимов⁴³. Все они обязывались отправиться на службу в полк И. А. Хованского. Однако на службу Ипатко всё-таки не пошёл, найдя теперь законный способ избавиться от ненавистной обязанности. Уже на следующий день после оформления круговой поруки, 27 августа того же года, Ипатко Трофимов нанял наймита, корелянина из Сердовольского погоста, «вольного человека» Тимошку Фофанова, который должен был служить вместо него в течение года⁴⁴.

Кстати, заметим, что брат Ипатки Вавилка Трофимов, наряду с посадским человеком Титом Тарасьевым и старостой Низовской трети Олонецкого погоста Микифором Максимовым, выступал в качестве поручителя по наймиту своего брата. Следовательно, с одной стороны, он помог брату тем, что согласился стать поручителем, с другой – в случае бегства наймита, первым кандидатом на высылку стал бы именно Вавилка.

Особо подчеркнём, оценивая информативную ценность готовящейся к изданию в ИЛЛИМИК архивной коллекции, что помимо договоров найма в фонде Олонецкой воеводской избы сохранились другие документы, способные пролить свет на вопрос об уровне зажиточности карельских крестьян-

---

⁴⁰ Российский государственный архив древних актов. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Оп. 1 (Олонец). Кн. 5: Переписные книги солдат и крестьян Заонежских и Лопских погостов И. С. Дивова 1657 г. Л. 55 об.

⁴¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 76. Ст. 98, 98 об.

⁴² Мюллер Р. Б. Указ. соч. С. 134.

⁴³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 76. Ст. 35, 35 об.

⁴⁴ Там же. Ст. 56, 56 об.

солдат, нанявших вместо себя для несения службы наймитов. Так, важнейшие для данного исследования факты содержатся в документах судебного дела по спору о владении пустошью Нарядовской в Олонецком погосте в 1663 г.⁴⁵

Одним из действующих лиц этой тяжбы был солдат из деревни Кангасовой Святозерской волости Андрей Семёнов, именовавшийся его обвинителями беглым. Хотя, учитывая открытое участие этого человека в судебном процессе, правомерно предположить, что именование его беглым не столько соответствовало статусу солдата в 1663 г., сколько было совершено по привычке, имевшей корни в недавнем прошлом. Дело в том, что в 1660 г. солдат-нетчик Андрей Семёнов послал служить вместо себя наймита, Игнашку Трофимова, а найма дал ему на год 21 руб. 16 алтын 4 деньги⁴⁶. Вероятно, после истечения срока действия договора Андрей Семёнов продлил его с тем же наймитом, либо нанял другого. Нам известно лишь то, что в 1663 г. его сын Васка Андреев, а одновременно с ним корелянин Куземка Левонтиев, хотели завладеть упомянутой пустошью⁴⁷.

На основании материалов судебного разбирательства (обыска, расспросных речей и розыска о земельных владениях участников тяжбы) делаем вывод, что благосостояние солдата -нетчика Андрюшки Семёнова складывалось из владения как своим участком, так и участком его брата Мокейки, беглого солдата, а также из самовольной запашки полевых участков в деревне его родственников. Всё это способствовало накоплению состояния, достаточного для найма себе на замену другого лица за более чем значительные, по тем временам, деньги.

Имя ещё одного солдата-нетчика из Святозерской волости Манылки Козмина, который послал вместо себя на службу наймита, встречается в нескольких поручных записях, где в одних случаях он являлся поручителем, а в других послухом, причём из документов следует, что он был старостой указанной волости. Ещё в нескольких документах, связанных с высылкой солдат, Манылка Козмин указан в чине сержанта в качестве сопровождавшего группы отправленных к месту службы пашенных солдат⁴⁸. Не исключено, что необходимость оплаты услуг наймита возникла у Манылки в результате нарушения условий поруки одним из тех лиц, за которых он поручился. Обычно старостами избирали людей обеспеченных и то, что староста Манылка Козмин имел материальную возможность нанять кого-то для несения службы вместо себя, ещё раз это подтверждает.

Как кажется на первый взгляд, будто служба наймитов решала проблему бегства из армии. Однако на самом деле это было не так. Росписи беглых солдат, в большом количестве содержащиеся в фонде Олонецкой воеводской избы, свидетельствуют о том, что наймиты тоже сбегали. Их разыскивали и снова «за порукою» высылали на театр боевых действий. В случаях безрезультатности сыска, высылались их поручители или сами наёмщики.

⁴⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 91. Ст. 1–19 об.

⁴⁶ Там же. К. 3. Д. 76. Ст. 88, 88 об, 89, 89 об.

⁴⁷ Там же. К. 4. Д. 91. Ст. 1, 1 об, 2, 2 об.

⁴⁸ Там же. К. 3. Д. 83. Ст. 50, 51.

Отметим также, что, судя по документам, в некоторых случаях получить по беглым поруку представителям власти вообще не удавалось. Так, в ноябре 1660 г. капитан Анц Шульц сообщал в Олонец: «Выслал восемь человек за поруками, а по наймиту Алешке Терентьеву поруки не было, и он выслан с волостным приставом солдатом Артюшкою Ермолиным»⁴⁹. О том, что Алешка Терентьев уже побывал на службе в качестве наймита и сбежал, становится известно из его челобитной, которую он подал сразу после своей высылки Анцем Шульцем. Как оказалось, в январе 1660 г. он нанялся служить вместо нетчика Осипа Юрьева, был в бою под Ляховичами⁵⁰, после которого, по-видимому сбежал, так как имя его попало в списки нетчиков. В результате розыскных мероприятий в сентябре 1660 г. вместо беглого наймита Алешки Терентьева на службу был выслан его «хозяин» Осип Юрьев. Спустя два месяца в ноябре 1660 г., капитану Анцу Шульцу всё-таки удалось отыскать и выслать на службу и самого беглеца, который, однако, апеллируя к тому факту, что Осип Юрьев находился на службе вместо него, добился от воеводы своего освобождения от службы и распоряжения отпустить домой с тем, чтобы его на службу «до указу не высылать»⁵¹.

Дореволюционный исследователь земельного быта крестьянства Русского Севера XVI–XVIII веков М. А. Островская приводит цитаты из отписок солдатского переписчика и высылщика И. Дивова, в которых он предлагал набирать в солдаты не только государственных, но и монастырских крестьян. Свою позицию И. Дивов аргументировал с одной стороны тем, что многие «государевы крестьяне» переходили жить в монастырские вотчины, в результате чего там «учинилось многолюдно», а с другой стороны тем, что нередко монастырские крестьяне нанимались служить за деньги, но как только получали свою плату, сразу же сбегали домой в монастырские вотчины, где становились для высылщиков недосыгаемыми⁵². Предложение И. Дивова не было принято, тем не менее, суть проблемы бегства наймитов была обозначена. В подтверждение приведём челобитную солдата Шунгского погоста Филки Авакумова с жалобой на нескольких человек, выступивших в 1660 г. поручителями по наймиту – монастырскому служке Агафанке Емельянове, которому Филка дал плату за найм вперёд на шесть месяцев по два рубля и две гривны в месяц. Однако наймит Агафанка оговоренного времени не отслужил, а, взяв деньги, со службы сбежал⁵³. Интересно, что челобитную, судя по дате пометы, Филка подал только в 1664 г. Остается загадкой, пришлось ли ему служить самому в

---

⁴⁹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 83. Ст. 29.

⁵⁰ Ляховичи – город на р. Ведьме в Брестской области Белоруссии; самая крупная крепость в Речи Посполитой в середине XVII в. В 1660 г. полк воеводы князя И. А. Хованского не смог взять эту крепость и после тяжёлого боя отступил с большими потерями.

⁵¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 82. Ст. 32.

⁵² Островская М. А. Указ. соч. С. 84–85

⁵³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 98. Ст. 6.

течение прошедших трёх лет, и почему поручители всё это время избегали ответственности.

Таким образом, на основании изученного материала делаем ряд выводов. Во-первых, оформление поручных записей не решало проблемы бегства пашенных солдат со службы. Практически все население Заонежских и Лопских погостов решительно выступало против солдатской службы, поэтому беглые солдаты находили среди местных крестьян полное сочувствие и понимание, а значит укрытие и убежище для себя, несмотря на угрозы телесного наказания и даже казни для тех, кто укрывал беглых. При приближении солдатских сыщиков и высылщиков солдаты вместе с семьями, жёнами и детьми, а также их родственники, которых могли выслать вместо беглецов, уходили в леса и скрывались там, пока не миновала опасность быть найденными. Бывали случаи, когда, стремясь оградить своих родных от высылки в район боевых действий, беглые солдаты выходили из своих укрытий. Зажиточные крестьяне посылали вместо себя наймитов, что не являлось абсолютной гарантией спокойной жизни в дальнейшем, так как наймиты тоже сбегали. Беглецы, не имевшие средств для найма кого-то вместо себя, иногда объявлялись на Олонце с просьбой отпустить их поручителей, так как они сами снова готовы были пойти на службу.

Однако чаще всего оформление поручных записей не гарантировало необходимого властям результата. Сбегали как солдаты, по которым была оформлена порука, так и поручители, которым грозила высылка на службу. Никакие меры не могли решить проблему бегства пашенных солдат. В результате, в 1666 г., по истечении семнадцати лет своего действия, незадолго до окончания русско-польской войны в 1667 г., институт пашенных солдат в Карелии был отменён. Следует отметить, что такое решение было обусловлено не только негативным отношением местного населения к солдатской службе. Вероятнее всего, основанием для упразднения института пашенных солдат послужила складывавшаяся внешнеполитическая обстановка – заключённый мир со Швецией и близившееся окончание войны с Речью Посполитой. Заметим, что правительство верно оценило внешнеполитическую ситуацию: действительно, до конца столетия, вплоть до начала русско-шведской Северной войны (1700–1721 гг.), не было больше ни одного военного нападения из-за рубежа на северо-западные территории России.

Список литературы:

1. *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления.
2. *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1912. Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство.
3. *Дмитриев А. В.* Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008.

4. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003.
5. Капустин С. Я. Древнее русское поручительство. Казань, 1855.
6. Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа: Пер. с фин. Л. В. Суни; отв. ред. И. А. Чернякова. Петрозаводск, 1998.
7. Коваленко Г. М. Карелия в русско-шведской войне 1656–1658 гг.: препр. докл. на Учен. совете Ин-та яз., лит. и истории 29 июня 1978 г. Петрозаводск, 1978.
8. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947.
9. Островская М. А. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках. СПб., 1913.
10. Рыжков А. С. Поручик Богдан Головин – организатор службы пашенных солдат в Карелии во второй половине XVII века. [Электронный ресурс] // Журнал отчётов и публикаций ИЛЛИМИК. (ISSN 1819–9399). 2007. № 1 (3). Электрон. ст. Режим доступа: <http://illmik.petrso.ru/2007news3/Ryzhkov2.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. Рус. Проверено 30.05.2010.
11. Старостина Т. В. Пашенные солдаты: К 450-летию русской регулярной армии // Военный вестник: Ежемесячный военно-патриотический историко-культурный альманах. 2000. № 7. С. 3. [Приложение к газете «Карелия» № 47 (646). 21 июля 2000].
12. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1954.
13. Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998.

**GUARANTEE ACTS AS A METHOD OF DESERTION PROBLEM
SOLVING IN PLOUGHING SOLDIERS REGIMENTS IN THE 2ND
PART OF THE 17TH CENTURY: BY OLONETS MILITARY
COMMANDER'S CHANCERY DOCUMENTS**

D. V. Brusnitsyna

Petrozavodsk State University,
the Chair of General History of the Historical Faculty, Petrozavodsk

The article is devoted to a phenomenon of Karelian ploughing soldiers' (*pashennye soldaty*) mass desertion from military service in the 1660s. The way of solving this problem by Olonets Military Commander's actions is under investigation. The main attention is paid to classification and analysis of the guarantee acts that were required from soldiers being dispatched to war. The author tries to exposure some individuals ways of behaviour in connection with their reluctance to take the field.

Keywords: History of Karelia, the 17th century, regular regiments, ploughing soldiers (*pashennye soldaty*), desertion, guarantee acts, Olonets Military Commander's Chancery.

Об авторе:

БРУСНИЦЫНА Дарья Владимировна – соискатель кафедры всеобщей истории исторического факультета Петрозаводского государственного университета.

BRUSNITSYNA Daria V. – a postgraduate student of the Chair of General History of the Historical Faculty of Petrozavodsk State University.

E-mail: d.brusnitsyna@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.10.2011г.